Е. Е. Дмитриева [ab]
ORCID: 0000-0001-9692-8329
✉ *katiadmitrieva@mail.ru*
[a] *Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*
[b] *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*

Перевод и непереводимость: трудности метафизики и эротики

Аннотация. Начиная с петровских времен, с появления литературы светского характера, писатели испытывают дефицит метафизического языка, способного выразить чувство и чувственность. В особенности с данной проблемой сталкиваются переводчики, что парадоксальным образом приводит к обилию уже во второй половине XVIII в. переводной эротической (либертинской) литературы, а также к разнообразным попыткам создания любовных лексиконов.

В 1768 г. А. В. Храповицкий переводит и анонимно издает «Словарь любви» Жана Франсуа Дрё дю Радье. В предисловии он указывает на назначение лексикона — перевести то «невыразимое», что содержит в себе любовь, и тем самым избежать ошибок, происходящих от языковой недостаточности. Однако русскому переводчику оказался чужд двойной стандарт любовного языка и поведения, а также формулы «с двойным дном», которые необходимо уметь расшифровывать и которым учил французский лексикон. Храповицкий не столько переводил текст, сколько претворял французскую любовную риторику в сатирический, эпиграмматический взгляд на мир, более свойственный русскому духу и русской традиции.

Вторая часть работы посвящена проблеме перевода на русский язык либертинских романов. Дополнительно ставится вопрос: почему французских либертенов переводили в России на рубеже XVIII и XIX вв. достаточно обильно и почему подобная литература была адресована не вольнодумцам, вертопрахам и развратникам, как это можно было бы предположить, но — как правило — людям чувствительным и добродетельным.

Последняя часть статьи посвящена обсуждению проблем современного перевода на русский язык французской эротической прозы, с которыми столкнулся автор, работая над переводом книги М. Делона «Искусство жить либертена» и ряда французских либертинских текстов, помещенных в приложении.

Ключевые слова: перевод, непереводимость, метафизический язык, эротическая (либертинская) литература, Дрё дю Радье, Храповицкий, маркиз де Сад, принц де Линь

© Е. Е. ДМИТРИЕВА

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-24-08001-ОГН «Александр Пушкин: от многоязычия к переводу».

Для цитирования: *Дмитриева Е. Е.* Перевод и непереводимость: трудности метафизики и эротики // Шаги / Steps. Т. 5. № 3. 2019. С. 51–83. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-51-83.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.
Принято к печати 25 марта 2019 г.

Shagi / Steps. Vol. 5. No. 3. 2019
Articles

E. E. Dmitrieva [ab]
ORCID: 0000-0001-9692-8329
✉ *katiadmitrieva@mail.ru*
[a] *A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*
[b] *Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*

Translation and untranslatability: The difficulties of metaphysics and of erotica

Abstract. Since the times of Peter the Great, when secular literature emerged, writers have experienced a lack of the metaphysical language capable of expressing feelings and sensuality. Translators especially confronted this problem, which, paradoxically, by the second half of the 18th century led to an abundance of translated erotic (libertine) literature as well as to various attempts to create love lexicons.
In 1768, A. V. Khrapovitsky, a young graduate of the Land Forces Gentry Cadet Corps and later Cabinet Secretary of Empress Catherine II, translated and published anonymously *The Dictionary of Love* by Jean-François Dreux du Radier. In the introduction, he indicated the purpose of the lexicon — to translate the "inexpressible" that love contained, and thus to avoid the many grave mistakes stemming from language insufficiency. Yet the result of Khrapovitsky's labors only remotely resembled the original. The double standard of romantic language and behavior proved alien to the Russian translator, as well as the "hidden agenda" formulas, which one must know how to decipher and which the French lexicon taught to the reader. Khrapovitsky translated the verbal strategy of those who perceived romantic relationships as a battlefield into the sphere of life experience; rather than translating the text, he was transforming French romantic rhetorics into a satirical, epigrammatical worldview more characteristic for the Russian spirit and the Russian tradition.

© E. E. DMITRIEVA

The second part of this study is devoted to the problem of translating libertine novels into Russian. An additional question is posed: why were French libertine authors rather abundantly translated in late 18th c. — early 19th c. Russia, and why was such literature addressed not to freethinkers, featherbrains and debauchees, as one might expect, but rather — as a rule — to sensitive and virtuous people.
The last section of the article focuses on the problems of contemporary translations of French erotic prose into Russian. The author faced these problems while working on a translation of *The Libertine Art of Life* by M. Delon and of a number of French libertine texts included in an appendix to this work.

Keywords: translation, non-translatability, metaphysical language, erotic (libertine) literature, Dreux du Radier, Khrapovitsky, marquis de Sade, prince de Ligne

Acknowledgements. The research was conducted with the support of the RFBS grant programme no. 17-24-08001-ОГН "Alexander Pushkin: from polylingualism to translation".

To cite this article: Dmitrieva, E. E. (2019). Translation and untranslatability: The difficulties of metaphysics and of erotica. *Shagi / Steps, 5*(3), 51–83. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-51-83.

Received February 25, 2019
Accepted March 25, 2019

Нам всем памятны строки Пушкина, приветствовавшего затеянный в 1830 г. П. А. Вяземским перевод романа Бенжамена Констана «Адольф»:

> Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констана. «Адольф» принадлежит к числу двух или трех романов
>
> В которых отразился век,
> И современный человек
> Изображен довольно верно
> С его безнравственной душой,
> Себялюбивой и сухой,
> Мечтаньям преданной безмерно,
> С его озлобленным умом,
> Кипящим в действии пустом.
>
> Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем от-

> ношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы [Пушкин 1937–1959 (11): 87] (см. также: [Мильчина 2006]).

С пушкинскими словами перекликаются и слова Е. А. Баратынского, в 1829 г. писавшего П. А. Вяземскому:

> …для меня чрезвычайно любопытен перевод светского, метафизического тонко-чувственного Адольфа на наш необработанный язык [Баратынский 1902: 47].

На то, что выражение чувств и чувственности на русском языке заставляет ощутить всю его «необработанность», жаловались и ранее, остро ощущая потребность изменений. Одним из первых (хотя, очевидно, не первым) в статье «Отчего в России мало авторских талантов» проблему сформулировал Н. М. Карамзин, сведя ее, по сути, к двум образующим замкнутый круг факторам: с одной стороны, к отсутствию в России «истинных писателей», которые были бы в состоянии «обогатить слова» русского языка «тонкими идеями», а с другой стороны — к отсутствию устного субстрата литературно-светской речи, ибо «в лучших домах говорят у нас более по-французски...»:

> Француз, прочитав Монтеня, Паскаля, 5 или 6 авторов века Лудовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, может совершенно узнать язык свой во всех формах; но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только материальное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красот от художника. Истинных Писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской Кандидат Авторства, недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски ‹…› Что ж остается делать автору? выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи ‹…› Мудрено ли, что сочинители некоторых Русских комедий и романов не победили сей великой трудности, и что светския женщины не имеют терпения слушать или читать их, находя, что так не говорят люди со вкусом? ‹…› Одним словом, ‹…› французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом [Карамзин 1820 (7): 217–219].

Впрочем, у самого Карамзина критика нередко перемежалась с оптимистическим сознанием того, что русский язык для выражения чувств и для разговоров «не хуже других» и «надобно только, чтобы наши умные светские люди, особливо же красавицы, поискали в нем выражений для своих мыслей» [Карамзин 1820 (5): 159]. Гимн русскому языку, почти противореча самому же себе, Карамзин пропоет в статье «О любви к отечеству и народной гордости»:

> Кому не будет обидно походить на Даланбертову мамку, которая, живучи с ним, к изумлению своему услышала от других, что он умный человек? ‹…› Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной Поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богатее гармониею, нежели французской; способнее для излияния души в тонах; представляет более аналогических слов, то есть сообразных с выражаемым действием [Карамзин 1820 (7): 136–139].

И все же именно поднятая Карамзиным в статье «Отчего в России мало авторских талантов» мысль о неспособности выражать свои чувства на русском языке, когда в ситуации двуязычия заместительная функция переходила к языку французскому, оказывается предельно устойчивой. На это будет указывать, как мы уже видели, и Пушкин. Характерно в этом отношении также и его размышление в незаконченном романе «Рославлев» (1831), где он прямо говорит о французском субстрате русской речи, и — что еще важнее — русского мышления:

> Мы принуждены всё, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы [Пушкин 1937–1959 (8): 150].

Еще ранее аналогичным образом выскажется в повести «Княжна Мими» (1825) В. Ф. Одоевский, вложив свою филиппику в уста одного из спорящих о современной литературе приятелей:

> Но где поймаешь такое слово (которое рождается в пылу светского разговора) в русской гостиной? Здесь все русские страсти, мысли, насмешка, досада, малейшее движение души выражаются готовыми словами, взятыми из богатого французского запаса, которыми так искусно пользуются французские романисты и которым они (талант в сторону) обязаны большею частию своих успехов [Одоевский 1977: 382].

И уже в новейшие времена на этом парадоксе будет основывать свою теорию «генерирующего» быт текста — в условиях русского XVIII и первой трети XIX в. — Ю. М. Лотман (ср.: «…в контексте французской культуры салон (литературная среда) порождал роман, а в русских условиях роман был призван породить определенную культурную среду. Там быт генерировал текст, здесь текст должен был генерировать быт. Этот принцип вообще очень существенен для литературы XVIII в., она становится образцом для жизни» [Лотман 1996: 97]).

И все же, несмотря на в достаточной степени своевременно поставленный диагноз, общество вплоть до 1840-х годов продолжает говорить в салонах по-французски (см.: [Rjéoutski 2016]), дамам объясняются в любви по-французски и, как правило, переходят на русский язык, лишь женившись. Письма даже

маститых литераторов, если они пишутся по-русски, являются, по сути, макароническими, т. е. пестрят иностранными (по большей части французскими) вставками и «инкрустациями».

Конечно — и об этом уже неоднократно писалось [Дмитриева 2018], — такие вставки, жонглирование двумя, а иногда даже и тремя языками[1] играют стилевую роль, являясь маркерами отношений явно более свободных, чем то можно предположить или позволить себе в официальных письмах, создают особую литературную атмосферу игры словом и поиска слова (цитирование чужой речи, даже гипотетической, создание видимости диалога и т. д.). Ср. в «Графе Нулине», где введение французской речи способствует созданию непринужденной манеры повествования, близкой к «болтовне», которую и стремился воспроизводить в своей поэме Пушкин, а сами французские реплики выступают как цитирование чужого слова [Лотман 1975: 40].

Однако — и для нас это случай наиболее интересный — вторжение французского (как и любого другого) языка в русскую речь — и об этом как-то почти не говорится — свидетельствовало еще и об определенной л е н о с т и м ы с л и: определенные сферы жизни, сюжеты, модальности высказывания тяготели к различным языковым способам выражения, которыми в тех или иных случаях пользоваться было «сподручнее». Так, на французский язык нередко переходили, когда затрагивались сюжеты интимного характера, когда разговор заходил о женщинах и особенно когда он велся в шутливо-галантном или фривольном тоне[2]. Параллельно возникала и проблема непереводимости (случай

[1] Приведем в качестве примера несколько отрывков из неопубликованного письма П. А. Вяземского В. Ф. Вяземской 1838 г., написанного им из Англии: «I am very glad to see you, to be or not to be, and I am very much inclined to vomit, god save the King — виноват, я и совсем забыл, что никто у Нас по английски не разумеет, но сила привычки так велика, что с приезда моего невольно так и чешу по английски, а приехал-то и всего часа с два. Выехали мы из Англии (смотри на карте) в 10 ч. утра третьего дня 5 го сент. н[ового] с[тиля] в дилижансах на Boulogne sur mer. ‹...› К утру вошли вплыли мы в Темзу, и качка унялась подплывая к Лондону прекратилась к полудню; трудно à la lettre разъезжаться с встречными и обгоняющими нас пароходами и кораблями. ‹...› Я узнал, что сегодня едет Курьер и it is a sacred duty for a son, at the beginning of the new year, to wish his father and mother every kind of happiness, chasser le naturel, il revient au gallop. А все это от того, что я съел бифштекс и выпил стакан ale, потому-то никого еще не видел и не выходил из комнаты. Да и почерк мой что-то англизируется. Не находите ли? Хотел бы я вас обнять поцеловать, мои милые, да но здесь это не делается. Боюсь закидают камешками каменьями. Разве украдкою за кулисами ширмами. Там, слава Богу, никто не видит, да самому как-то совестно. I am with respect etc» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3270. Л. 73–74; орфография и пунктуация в цитатах сохранены).

[2] Справедливости ради укажем, что в переписке, которая преимущественно велась на французском языке, «интимную» сферу мог, напротив, обслуживать русский язык, на который переходили в совершенно особых случаях. Ср. в письме великой княгини Марии Павловны брату Константину: «Je prétend que j'ai trainé le froid à ma suite, parce qu'on dit que jamais il n'y a eu d'hiver si constant. Je vais souvent au spectacle, mais je n'ai point encore eu le bonheur de voir representer votre piece favorite, la Petite ville, de Kotzebue. Si on la donne, morte ou vive, j'y vais en votre honneur. Ты мне написал про жену твою, друг мой сердечный: я даже и не слыхала про нее. Но вдруг приехал суды известный Г. Вангенгейм, которого ты верно знаешь. Он с Кобургским двором поссорился и в Готе живет. Он здесь был, и я его видела по тому что она его ко мне прислала; она велела мне кланиться, но о свидании со мною Вангенгейм мне ни слова не говорил. Он воротился в Готу. И совсем прежде и после ее не видал. Теперь скажи мне, любезный братец, что все сие значит? Я ето не понимаю.

фразеологических оборотов, каламбуров [Дмитриева 2015], что опять-таки провоцировало на игру). Ср. известное: «Она казалась верный снимок / Du comme il faut (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)». Впрочем, сам Пушкин, например, в соответствующих случаях все же старался отыскать и поставить рядом с французским словом его русский синоним, преодолевая тем самым именно ту леность, которая легко возникает в ситуации человека двуязычия, не желающего искать способ выражения в пределах лишь одного языка [Виролайнен 2010].

Но хотя в сознании нашем утвердилось представление, что современный русский язык только с пушкинской эпохи и начинается и что красиво и изящно, в частности о чувствах и о предметах интимного свойства, только в пушкинское время и начали уметь говорить, проблема перевода с французского языка на русский того, что принято было выражать по-французски, ощущается вновь и вновь. Парадокс же заключается здесь в том, что проблема эта — т. е. проблема поиска русского способа выражения метафизики чувств и чувственности, который мог бы сравниться с французским, — была прочувствована как актуальная гораздо раньше, еще задолго и до Пушкина, и до Карамзина.

XVIII в.: в поисках языка галантности

Гораздо раньше — это, конечно же, петровские времена, когда в России рождался свой галантный XVIII в. и когда новое — светское — общество, пришедшее на смену средневековому с его замкнуто-домашним укладом жизни, остро почувствовало необходимость нового языка, регламентирующего этикет поведения, любовного ухаживания и неведомых еще галантности и куртуазности (см.: [Панченко 1973: 18; Сазонова 2019: 12]).

Галантному стилю поведения, казалось бы, начинала учить западноевропейская литература, в частности французские драма и роман, которые активно переводятся в петровское время. Но именно эти переводы, которые по большей части выполняли переводчики Посольского приказа, воспитанные на традиционных книжности и фольклоре, свидетельствовали о невозможности обрести на русском языке тот стиль, который соответствовал бы поэтическому языку иностранных романов и комедий [Сазонова 1982]. Например, для современного уха почти пародийно звучит первый опыт перевода на русский язык комедии Мольера «Смешные жеманницы» (1659 / 1660):

> Какимъ подобіемъ къ симъ людям прилѣпитися, которые суть ненавистны въ галантеріи и красотѣ? Проиграю я съ тобою, что схощешь: никогда же читаша хартію младаго сердца, не всѣмъ; что то такое есть грамотка возлюбленная, грамотка сладкая, миротвореніе изрядное, малыя вины, остатняя вся, которыя подобаются зѣло въ любви, суть земли несвѣдомыя для нихъ [Тихонравов 1874 (2): 257] (см. также: [Сазонова 2019: 16]).

По том мне сказали, что она нарочно его выбрала чтоб он здесь исправился в каком она положении с Петербургом. J'espère vous écrire davantage par le feldjager mais ce qu'il y a de singulier c'est que tout cela est arrivé le lendemain du jour où j'ai reçu votre lettre: je n'ai pas pu Vous 8' répondre plutot à cause de mes yeux qui m'on fait extrêmement mal» (перевод на русский см. в [Александр I и др. 2016: 361–362]).

Парадокс же заключается здесь в том, что нелепый и смешной перевод на самом деле, вольно или невольно, более отвечал замыслу Мольера, в своей комедии спародировавшему не прециозность вообще, которая вполне ощутима в его собственных пьесах, но именно ту глубоко провинциальную претензию на прециозность, получившую распространение среди его современников [Дмитриева 2016].

Характерно при этом, что в появившихся с последней четверти XVII в. в России переводных рыцарских романах — «галантереях романских», в которых повествуется о «шевалиерах эррантах, или заблудящих кавалерах» [Майков 1889: 210], дефицит слов, необходимых для придания стилю галантной утонченности, восполняли в первую очередь иностранные слова — сначала в меньшей степени французские, а более полонизмы и слова из голландского и немецкого языков, позже также и галлицизмы [Сазонова 2019: 17].

Событием в истории переводной любовно-романной беллетристики в России стал вышедший в 1730 г. под названием «Езда в остров Любви» перевод В. К. Тредиаковским французского прециозного романа Поля Тальмана (Таллемана) «Le Voyage de l'isle d'Amour ou la clef des cœurs» (1663), своеобразной аллегорической энциклопедии любви, в которой предусмотрены были все случаи любовных отношений». «Новое общество, — как писал Л. В. Пумпянский, — получило кодекс французского любовного "политеса". С этой книги начинается история офранцужения дворянской бытовой и моральной культуры» [Пумпянский 1941: 239–240] (см. также: [Лотман 1985; Неклюдова 2008: 251–255]). Молодое русское дворянство училось чувствовать по европейским образцам. А сам Тредиаковский не без иронии писал об обретенной после появления его перевода репутации, что, дескать, говорят, «что я первый развратитель русской молодежи, тем более, что до меня она совершенно не знала прелести и сладкой тирании, которую причиняет любовь» [Малеин 1928: 431].

Опыт лексиконов и словарей

О том, что чувствование «по европейским образцам» и в особенности перевод с французского языка на русский хоть и вошли в моду с появлением «Езды в остров любви», но многочисленных языковых проблем не решили, свидетельствует история лексиконов и словарей XVIII в.

Сразу же после появления на русском языке романа Тальмана над составлением «Лексикона Руского и Француского» начинает работать Антиох Кантемир, взяв за основу «Треязычный лексикон» Федора Поликарпова, но значительно расширив область лексики, связанной с выражением чувств, и, главное, отчетливо определив ту роль, которую в деле «перенесения на русскую почву европейского опыта» играет перевод («Все те народы один другого книги переводили, от чего не только знание наук и художеств размножилось, но и язык их обогащен многими новыми словами» [Кантемир 2004 (1): xxxix][3]).

[3] О том, что Кантемир и в собственной лирике был весьма озабочен вопросами языка, см.: [Довгий 2018].

К несчастью, работа Кантемира над трехтомным словарем так и осталась незавершенной и неопубликованной[4]. Проходит 30 лет, и в 1768 г., словно следуя заветам Кантемира, совсем еще молодой выученик Сухопутного шляхетного корпуса, а впоследствии кабинет-секретарь императрицы Екатерины II и автор знаменитых «Памятных записок» о ней, А. В. Храповицкий переводит и анонимно (!) издает теперь уже не лексикон вообще, но — прицельно — «Словарь любви» Жана Франсуа Дрё дю Радье под заглавием «Любовный лексикон».

В лапидарном предисловии «анонимный» переводчик отчетливо указал на назначение лексикона — перевести то «невыразимое», что содержит в себе любовь, в слово, и тем самым избежать многих роковых ошибок, происходящих от языковой недостаточности:

> Милостивыя Государыни,
> Объявляют нам, что в златом веке была чистосердечная любовь; но не можно полагаться на такия баснословныя времена. Всякому же известно, что Овидий, гражданин древняго Рима, приметив любовныя хитрости, сочинил книгу о любовном искусстве. И так тогда еще любовь зделалась наукою; но ныне она пришла в гораздо большее совершенство и приняла разныя наречия, для коих потребно изъяснение. Те, которыя уже в ней искусились, легко могут познать пользу сего Лексикона; и разсматривая свои ошибки, верно найдут, что они произошли от неразумения какого ни есть слова. Я ласкаюсь, что мой труд примется благосклонно: ибо простое чтение научит тому, что всегда познавалось посредством опасных опытов.
>
> Вам преданный слуга Переводчик
> [Дрё Дю Радье 1768: 50]

Для французского читателя подобная задача не была бы откровением: французская литература XVIII в. начиная с Мариво и в особенности Кребийона-сына уже в достаточной степени поставила вопрос о правде языка. Сомневаться в искренности чувства, учил Кребийон, означает также вопрошать себя, существует ли для него адекватное и аутентичное выражение. Софизмы любви и есть сама любовь [Дмитриева 2011]. Для русского читателя вся эта область была скорее terra incognita.

Задача, которую взял на себя восемнадцатилетний Храповицкий, была, конечно же, рискованной, несмотря на то что это был уже не первый его литературный опыт: в 1762 г. вышел его перевод, также с французского, — «Похождения Неоптолема, сына Ахиллесова» («Les aventures de Néoptolème, fils d'Achille», 1718) [Левин 1995: 157–158]. Но и то, что вышло на сей раз из-под его пера, лишь отдаленно напоминало оригинал. Трансформации подверглись и объем, и композиция. Сократилось число словарных статей — вместо 216 в «Любовном лексиконе» их 127. Расположение в порядке кириллического алфавита естественно повлекло за собой реорганизацию сочинения. Храповицкий значительно упростил содержание некоторых статей, передал его в сокращенном виде, опустив ссылки на литературные примеры, и оставил в ряде случаев без перевода стихотворные части [Сазонова 2019: 30–31].

[4] Словарь, над которым Кантемир работал в период между 1732 и 1744 г., впервые опубликован лишь в 2004 г. Е. Э. Бабаевой. См. подробнее: [Бабаева 2004].

Существенной, однако, была не реорганизация и даже не изъятие стихотворных частей, перевод которых требовал бы, разумеется, гораздо больше работы и мастерства, а нечто иное. Но прежде чем сравнивать с оригиналом перевод и говорить о той трансформации, которой повергся на русском языке французский лексикон любви, остановимся коротко на том, что представлял из себя знаменитый лексикон Дрё дю Радье.

Двойной стандарт «Словаря любви»

О том, что среди большого числа словарей и даже энциклопедий XVIII (энциклопедического!) века, посвященных «науке страсти нежной», словарь баловавшегося литературой скромного адвоката Дрё дю Радье (1714–1780) занимает совершенно особое положение, писалось уже неоднократно [Loubière 2006; Zhivov 2015][5]. Основной вопрос, который этот появившийся в 1741 г. «Словарь любви» ставил перед читателями своего времени и который в неменьшей мере он ставит перед современными читателями, сводится к тому, что до сих пор остается не совсем ясным, в какой модальности его следует прочитывать. Как продукцию энциклопедического века, когда все, начиная от швейной иголки и заканчивая сложнейшими вопросами метафизики, становилось предметом знания, которое систематизировалось в словарях и энциклопедиях? Тогда не составляла исключения и область взаимоотношения между полами, тоже становившаяся предметом пристального анализа — таким же предметом философской спекуляции, как и иные области человеческого бытия. Или же как сатиру на современные нравы? Потому что она тоже отчетливо присутствует в словаре, где практически в каждой из статей речь идет о том, что нельзя верить ни самым высоким словам, ни самым светлым чувствам, которые при ближайшем рассмотрении, оказывается, не более, чем мираж. И ведь не случайно с поразительной настойчивостью в словаре повторяется мысль, подкрепленная немалым количеством литературных цитат: «Ныне уже не любят так, как любили когда-то»[6]. Время прекрасных страстей прошло: Селадонам ничего не осталось, как вернуться на берега Линьона, куда их первообраз поселила некогда фантазия Оноре д'Юрфе[7]. «Когда-то» — это, по-видимому, XVII в., а может, еще и Средневековье, время странствующих рыцарей, томящихся любовью по прекрасной даме. Но и здесь все оказывается не так просто. Процитированное стихотворение де Ла Фара есть ответ на более раннюю — как это следует из ее названия — балладу, утверждавшую, что ныне не любят так, как любили когда-то [La Farre 1733: 260].

Так постепенно век истинной любви, как и Золотой век, отодвигается в неопределенное прошлое. И, сожалея о временах странствующих рыцарей, Дрё дю Радье дает, тем не менее, весьма ироническую картину их нравов и бытия:

[5] Форма любовного лексикона вообще была в ходу во Франции в XVII–XVIII вв., например, «Dictionnaire portatif contenant les anecdotes historiques de l'amour» (Paris, 1788); Pierre Sylvain Maréchal. «Dictionnaire d'amour du berger Sylvain» (Paris, 1788) и др.

[6] Цитата из стихотворения Шарля Огюста де Ла Фара (1644–1712) «Ответ на балладу, имеющую рефрен "Ныне уже не любят так, как любили когда-то"».

[7] Ср.: «Le règne des *belles passions* est passé, & les Céladons sont renvoyés sur les bords du Lignon» [Dreux du Radier 2019: 135].

> Странствующий рыцарь был некогда нежным цветком галантности: имя это давалось Храбрецам, которые ставили себе в закон носиться по миру в поисках приключений, причинять зло, которое можно только причинить вдовам и сиротам, и все это во славу *Дам* и *Дев* ‹…› У нас теперь тоже есть род *Странствующих рыцарей*, которые, не имея титула, присваивают себе рыцарский титул: они не отправляются на поиски приключений в Требизонд или Северный Китай; Париж есть театр их действий, и их основное занятие — причинять зло *Дамам* и *Девам*, которых они знают, и даже тем, с кем они не знакомы ‹…›. Кафе и Игорные притоны есть те места, где они реализуют свой талант и где сочиняют *Романсы*, направленные против всего человеческого рода[8].

Вопрос, в сущности, остается нерешенным: кто же хуже — странствующие рыцари прошлых веков или нынешние. В остатке — лицемерие и тех, и других.

И все же эта ироническая пародийная тенденция, безусловно присутствующая в словаре, не исключает другого. Как человеку эпохи Просвещения Дрё дю Радье ведомы не только слабости человеческого рода, но и понимание того, что человеческие отношения, равно как и отношения между полами, регулируются естественной моралью, основанной на жизненных инстинктах человека (вспомним, что в это же время философия критического рационализма и материализма утверждает примат природы и ее законов в области теории государственного права). И философ (математик) Ламетри в «Речи о счастье» воспевает любовь, «к которой нас призывает природа вдали от стыдливости и предрассудков», извративших любовь и сделавших ее виноватой [La Mettrie 1987: 314–315]. Отсюда и сложное, на первый взгляд противоречивое сочетание в словаре, с одной стороны, иронии и порой даже сатиры на современные нравы, а с другой — вполне сочувственного отношения к тому, что традиционная мораль трактует обыкновенно как легкомыслие, неверность, наконец, разврат и распутство.

Есть еще один парадокс, имманентно присущий «Словарю любви». С одной стороны, в статье «Éloquence», переведенной Храповицким как «Красноречие», мы читаем:

> Все великие страсти немы, а все любовники красноречивы: что из этого можно заключить? Что красноречие не есть искусство любви, но лишь способность говорить трогательно [Dreux du Radier 2019: 118].

У Храповицкого:

> ...известно, что во всех сильных страстях не можно без замешательства изъясняться, но в противность, все страстныя любовники красноречивы. Что из того заключить? Или любовник не может быть

[8] В русском тексте Храповицкого этот пассаж отсутствует. Оригинал см. в [Dreux du Radier 2019: 108–109]. Здесь и далее воспроизводится курсив оригинального издания, пассажи, отсутствующие в тексте Храповицого, даны в нашем переводе.

> оратором, или нынешняя любовь состоит только в том, чтоб произносить речи, наполненныя нежностью и мнимою страстью [Храповицкий 2019: 62].

Но даже если и лишить «современную» любовь качества истинной («сильной страсти») и признать за ней лишь форму видимости и кажимости (вспомним знаменитую оппозицию *être* и *paraitre* — «быть» и «казаться»), это не исключает того, что у этой кажимости есть свои правила, которые следует уметь применять и считывать. Этим правилам, собственно, и учит словарь Дрё дю Радье — в неменьшей степени, например, чем тому учила знаменитая хартия либертинажа, как в свое время определяли роман Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума» (1736).

Здесь мы подходим к крайне важной характеристике французской культуры вообще, восходящей, по всей видимости, и к риторической традиции, а также к традиции французской прециозности и кодексу «благородного (вариант: благовоспитанного, порядочного) человека» (так обычно весьма условно переводится практически непереводимое понятие *honnête homme*). Порядочный человек, как известно, имел основной сферой приложения своей деятельности не тишину уединенного кабинета, но общество, основным элементом которого была беседа, а потому и так называемый *savoir-vivre* благородного человека заключался именно в искусстве «стимулирующей беседы», предполагавшей, среди прочего, качества хорошего психолога и философа, дабы уметь управлять собой и управлять другими (не отсюда ли впоследствии и пушкинское «Учитесь властвовать собой»?).

Еще одним непременным атрибутом порядочного человека почиталось «обходительное ухаживание за дамами», что во французском языке выражалось словом *galanterie*. Однако именно в этой области благородство (порядочность, *honnêteté*) уже в большей степени отходило от морали, сказывалось бытовавшее начиная с XVII в. и только усилившееся в XVIII в. представление, что любовь, а точнее отношение между полами, — это сражение, битва, и здесь не следует быть слишком щепетильным и разборчивым. Благородство (порядочность) стало все более ассоциироваться с искусством обольщения. Легкость, непринужденность, грациозность, ум, красноречие — лучший козырь любовника (*amant*).

На самом деле культивирование удовольствия в сочетании с требованием подчиняться правилам приличия, которое «благородный человек» унаследовал от «кортеджиано», помещало его в напряженное поле антиномий. Он оказывался между запретом и его преодолением, между реальностью и воображаемым. Он вынужден был подчиняться господствующему закону и вместе с тем сопротивляться ему, что, в свою очередь, заставляло его в зависимости от места и момента действия быть обольстителем, эрудитом, философом или светским человеком. В моде оказалась латинская поговорка «Intus ut libet, foris ut moris est» («Внутри как угодно, внешне в соответствии с традицией»). Теперь любовник (amant), говоря женщине «я вас люблю», всего лишь вежливо маскировал благородной формулой непреодолимость своего желания («je vous aime» означало «je vous désire»). Так возникала игра между приличием языка и неприличием поведения, между формой и реальностью. Весь словарь галантности и либертинажа мог быть понят на двух уровнях: количество формул с двойным дном увеличилось [Делон 2013: 25–31].

Именно этим формулам «с двойным дном» — формулам, в которых выражение так часто не совпадает с содержанием, которые необходимо уметь расшифровывать, дабы понять, что они на самом деле собой представляют, и которые надо умело использовать — учит словарь Дрё дю Радье, какой бы ироничной ни казалась иногда форма его изложения. «Почему вы не сделаете меня счастливым?» — читаем мы в статье «Счастье» (Bonheur). И далее: «Этой фразой, разумеется, часто хотят сказать: “Почему вы столь осторожны, что не желаете сделать себя несчастной, поверив мне?”»[9].

К тому же Дрё дю Радье вписывает свой энциклопедический урок в широкий литературный контекст, подкрепляя практически в каждой статье словаря собственные размышления обильными литературными цитатами — из античных авторов (Сафо, Вергилия, но прежде всего Овидия, «Искусство любви» которого становится для него в двойном смысле путеводной звездой — и как трактат об искусстве любви, на который он сам ориентируется, и как пародия на риторические трактаты софистов, подсказывающая также и ему аналогичную модальность изложения).

В остальном же интертекст «Словаря любви» Дрё дю Радье — французская и отчасти итальянская поэзия, драматургия и философия XVII и XVIII вв., а список цитируемых им авторов настолько обилен, что невольно возникает подозрение: какой текст решил издать заигравшийся в литературу адвокат? Лексикон с присущим ему дидактическим началом или же художественный текст, в котором на первый план выходит искрометная медийная игра? Среди авторов, которых цитирует Дрё дю Радье, — Клеман Маро, Жан Расин, Эваристо Герарди, Шарль-Франсуа Панар, Анна да Ла Винь (Mlle de la Vigne), Ж. Б. Руссо, Мольер, Луи Фюзелье, Шарль Огюст де Ла Фар, Роже де Рабютен граф де Бюсси, Франсуа де Ларошфуко, Детуш, Алексис Пирон, Пьер Корнель, Мариво, Шарль Сент-Эвремон, Генриетта де Колинье, графиня де ла Сюз (мадам де ла Сюз), Маргарита де Саблиер (Madame la Sablière), Антуанетта-Тереза Дезульер (Madame Déshoulières), Жан Реньо де Сегре, Вольтер, Рене Декарт, Бернáр Ле Бовье де Фонтенель, Этьен Павийон, Тома Корнель, Жан Лафонтен, Жан-Батист Вийар де Грекур, Сервантес, Н. Буало, Филипп Кино, Венсан Вуатюр, Джанбаттиста Гуарини (Гварини), Пьер Корнель, Габриэль Гере, Гийом Амфри, аббат де Шольё, Мадлен де Скюдери, Вилар, Гийом Герен де Бускаль, Жорж и Мадлен де Скюдери, Жан-Франсуа Реньяр, Мари-Катрин Дежарден (мадам де Вилледье), Жан-Антуан дю Серсо, Луи Фюзелье, Флоран Картон (Данкур).

У русской культуры всего этого background’а, разумеется, не было. А потому и возникает естественный вопрос: как в таком случае молодой, к тому же еще недостаточно опытный Храповицкий мог справиться с переводом текста, крайне сложного по замыслу и по исполнению, текста, исполненного литературной игры, метафизики, иронии, обилия аллюзий и пр.?

[9] Ср.: «Pourquoi ne faites-vous pas mon bonheur? Cette Phrase bien entendue veut souvent dire: “Pourquoi êtes-vous assez prudente pour ne pas faire votre malheur en me croyant?”» [Dreux du Radier 2019: 104].

Трудности перевода

Легко можно понять, что по тем или иным причинам Храповицкий переводит далеко не все статьи. Непереведенной остается приблизительно половина текстов из словаря Дрё дю Радье: «Abbé» (Аббат), «Abuser» (Злоупотреблять), «Accroire» (Заставлять верить в небылицы), «Adorateur» (Обожатель), «Adresser» (Обращаться), «Affliger» (Печалить), «Age» (Возраст), «Agitation» (Волнение), «Agnès» (Агнеса), «Aimable» (Любезный), «Alarmes» (Тревога), «Ami» (Друг), «Amourette» (Интрижка), «Argent» (Деньги), «Armes» (Оружие), «Attachement» (Привязанность), «Attrait» (Привлекательность), «Badin» (Игривый), «Bail d'amour» (Залог любви), «Barbare» (Варвар), «Bijoux» (Украшение; Драгоценности), «Blâmer» (Порицать), «Bouquet» (Букет), «Bracelet» (Браслет), «Brusquer» (Быть резким, форсировать), «Calme» (Спокойствие), «Capot» (Конфуз), «Caprice» (Каприз), «Caquet» (Пустая болтовня), «Carosse» (Карета), «Cavalier» (Рыцарь), «Chaine» (Цепь), «Changer» (Меняться), «Charmes» (Прелести), «Chevalier errant» (Странствующий рыцарь), «Confidence» (Признание), «Conquetes» (Завоевание), «Conversation» (Беседа), «Coquette» (Кокетка), «Déclaration» (Объяснение), «Dédaigneux» (Презрительный), «Défendre» (Защищать), «Delicatesse» (Деликатность), «Doucereux» (Слащавый), «Dupe» (Обманутый), «Egaler» (Сравняться), «Empire» (Власть), «Empressement» (Усердие), «Enchanteur» (Чарующий), «Engagement» (Обязательство), «Epouser» (Жениться), «Estimer» (Уважать), «Fille» (Девица), «Fleurette» (Авансы), «Fou» (Безумный), «Fripon» (Пройдоха), «Gage» (Залог), «Galanterie» (Галантность), «Gratis» (Даром), «Guerir» (Излечивать), «Haine» (Ненависть), «Hommage» (Почтение), «Honte» (Стыд), «Interest» (Интерес), «Langueur» (Истома, томление), «Languir» (Томиться), «Larmes» (Слезы), «Léger» (Легкомысленный), «Mais» (Но), «Maîtresse» (Любовница), «Mari» (Муж), «Médire» (Злословить), «Nature» (Природа), «Non» (Нет), «Obéir» (Подчиняться), «Objet» (Предмет), «Offrir» (Дарить), «Or» (Золото), «Parure» (Украшение), «Passion» (Страсть), «Pleurs» (Слезы), «Présens» (Подарки), «Prude» (Недотрога), «Quartier» (Просьба о пощаде), «Qu'en dira-t-on» (Что будут говорить), «Que sçait-on» (Кто знает), «Raison» (Причина), «Raisonnable» (Разумный), «Régime» (По правилам), «Rendez-vous» (Свидание), «Respect» (Уважение), «Retenue» (Сдержанность), «Retour» (Взаимность), «Rigueurs» (Строгость), «Sacrifier» (Жертвовать), «Séduisant» (Обольстительный), «Séverité» (Строгость), «Simpathie» (Симпатия), «Soins» (Заботы), «Soleil» (Солнце), «Souhaiter» (Желать), «Témérité» (Дерзость), «Tempérement» (Темперамент), «Rien» (Ничего), «Toilette» (Туалет), «Transports» (Восторги), «Veuve» (вдова), «Vis-à-vis» (Визави), «Union» (Союз), «Voir» (Видеть), «Yeux» (Глаза). Но зато добавлено несколько своих: «Искренность», «Истина», «Неправда», «Опахало», «Питаться воздухом», «Победа», «Простак», «Смущение», «Сходство нравов», «Тайна», «Тщеславие», «Философы», «Хитрости», «Холодность».

Логику отбора Храповицким статей можно проследить далеко не всегда. Очевидно, что в русский «Любовный лексикон» не попадают имена нарицательные — типажи французского галантного лексикона, в сущности, не получившие права гражданства в русском быту, такие, например, как *abbé* (аббат). Ср. определение Дрё дю Радье:

> Аббат, *юный аббат*. Словом этим обыкновенно обозначается молодой человек, который умеет придать слащавое выражение своему взору, показать зубы, сложить губки бантиком, руки у него нежные и пухлые, ходит он легко и смеется одними плечами[10].

К этому разряду относятся также *adorateur* (обожатель), т. е. «Любовник, бегающий налево и направо и сыплющий комплиментами всем, кто готов их слушать»), *Agnès* (Агнеса), для объяснения характера которой автор отсылает к мольеровской пьесе «Школа жен», *cavalier* (рыцарь), *chevalier errant* (странствующий рыцарь), *coquette* (кокетка), *léger* (легкомысленный), а также *régime* (действующий по правилам), которого Дрё дю Радье определяет как «утомленного чрезмерной галантной жизнью» и оттого спасающегося «в сердечной дружбе со святошей», чье «нежное, чувствительное и деликатное сердце умеет щадить Любовника и не утомлять его своей нежностью и частыми ее доказательствами, любя по всей видимости Любовника любовью чистой и незаинтересованной» [Dreux du Radier 2019: 147].

Избегает Храповицкий также переводить термины любовного жаргона, со времен прециозности получившего распространение во Франции. К таким жаргонизмам относятся *capot* (конфуз), *caquet* (пустая болтовня), *quartier* (просьба о помиловании), *fleurettes* (авансы), а также лексемы, служащие обманчивой любовной риторике: *abuser* (злоупотреблять), *accroire* (заставлять верить небылице), *chaine* (цепь), *égaler* (сравняться), *empire* (власть), *empressement* (усердие), *mais* (но), *non* (нет), *qu'en dira-t-on* (что скажут), *que sçait-on* (кто знает), *raison* (причина), *soleil* (солнце).

По всей видимости, не близок ему был и материальный инструментарий любви: *bail d'amour* (залог любви), *bijoux* (украшение, драгоценности), *or* (золото), *parure* (украшение), *bouquet* (букет), *bracelet* (браслет), *carosse* (карета), *gratis* (даром), последнее, впрочем, Дрё дю Радье определял как то, что «давно уже исчезло из любовной практики. *Даром* почил в бозе, более нет бескорыстной любви, а авансы исчисляются в луидорах» [Dreux du Radier 2019: 128].

И все же наиболее примечательным остается даже не то, что Храповицкий н е п е р е в е л, но то, что он п е р е в е л, сделав это весьма по-своему. Мы не можем останавливаться здесь на всех случаях расхождения русского текста с оригиналом, однако их сопоставление с очевидностью показывает, насколько чужд был Храповицкому весь двойной стандарт любовного языка и поведения. Словесную стратегию тех, кто любовные отношения осмыслял как поле битвы, Храповицкий переводил в плоскость жизненного опыта, демонстрируя тщету и смехотворность всех клятв и уверений. Как, например, в статье «Оставить»:

> Такое слово, к которому обыкновенно прикладывают *нет*, и по большой части для сильнейшаго уверения утверждают дешевыми клятвами. Нет, лутче умру, нежели вас оставлю, значит по наружности, что и жизни своей предпочитает любовницу, но употребление довольно доказало, что умереть позабудет, а не оставит до тех пор, пока не попадется другая попрекраснее [Храповицкий 2019: 69].

[10] Оригинал см. в [Dreux du Radier 2019: 88–89].

Ср. с текстом Дрё дю Радье:

> Этим словом («оставить». — *Е. Д.*) пользуются иногда с досады, дабы оживить угасающий пыл, или же чтобы вразумить жестокую. *Но что ж, коварная, вы этого хотите, я согласен, я оставляю вас.* Любовник, который умеет сказать это нежным тоном, присовокупив к тому несколько пролитых слез, может оказаться в своих делах весьма удачлив; это означает: «страх потерять Любовника может заставить сделать несколько шагов навстречу: если я вас оставлю, я разобью ваше сердце, будьте осторожны. В устах Любовницы слова: *Как, вы меня покидаете, коварный!* означают: «Мне будет неприятно видеть, что другая обладает тем, что я считала своим, в свете будут говорить: Мадам ... не смогла удержать Месье ... который обожает Люцинду; они все дни проводят вместе, и вчера он сопровождал ее на балу. О Боже, такая жестокая мысль может вскружить голову женщине, удрученная этой страшной перспективой она наговорит тысячу безрассудных слов и сделает столько же безрассудных дел[11].

Так называемые формулы с двойным дном и тонкости эзопова языка тоже мало привлекали Храповицкого. Очевидно, ему все же была милее добродетель, которая не казалась ему многоликим Янусом, и оттого счастье, в отличие от Радье, он почитал «окончательным словом», а не риторическим оружием любовника:

> ЩАСТЬЕ, не только что в сем Лексиконе, но и в самой любви бывает окончательным словом. Ежели любовник уже превзошел все препятства, получил пред всеми первенство, уверил любезную в своей верности и, наконец, услышал от ней драгоценное словцо *Люблю тебя*, которое прекрасной пол не очень скоро произносит, то говорит: *Вы меня любите, но когда ж зделаете щастливым*? Что требует сей вопрос, о том многия различно думают, и я не осмелюсь решить такую важность, затем что и все изъяснения слов я не утверждал своим мнением, но действительными опытами и разными достоверными писателями [Храповицкий 2019: 80][12].

Не будучи тронут софизмами любви, Храповицкий более трезво и иронично смотрел на современную ему ярмарку тщеславия. И потому делал нередко в тексте те добавления «от себя», которые позволяют говорить о нем уже даже не как о переводчике, но как о соавторе «Любовного лексикона». Соавторе, который не столько переводит текст, сколько претворяет французскую любовную риторику в сатирический, эпиграмматический взгляд на мир,

[11] Оригинал см. в [Dreux du Radier 2019: 88].

[12] Ср. в оригинале, который уже был частично процитирован выше: «Счастье, термин, употребляемый в различных смыслах, которые должны восприниматься как фигуральные. *Почему вы не сделаете меня счастливым?* Этой фразой, разумеется, часто хотят сказать: “Почему вы столь осторожны, что не желаете сделать себя несчастной, поверив мне?” *Вы меня любите, какое счастье!* означает: “До сих пор я был цепным псом, теперь же я начну свою атаку; я больше не буду оказывать эти знаки внимания, которые вынужден был оказывать до сих пор”» [Dreux du Radier 2019: 104].

более свойственный русскому духу и русской традиции, предвещая тем самым слог комедий Фонвизина или Лукина.

Как переводились на русский язык либертинские романы

Переводить на русский язык словарь любви — дело, как мы видели, рискованное. Но есть здесь и возможность послабления: то, что не укладывается в собственные представления и не поддается переводу, можно опустить, как это, собственно, Храповицкий и сделал.

А между тем XVIII в. создает во Франции — наряду и уже после галантных и куртуазных романов — иной, значительно более откровенный уже не столько в изображении чувств, сколько чувственности текст, который ныне определяется как либертинский роман. Жесткие, на грани порнографии эпатирующие сцены чередуются в этом типе романа с философскими рассуждениями на тему любви, чувственности и естественных потребностей человека[13].

Русская литература, отличавшаяся в целом (во всяком случае в XVIII и первой половине XIX в.), как писал Жорж Нива, даже не столько «пуританской строгостью нравов» (ведь «пробовала же себя русская нонконформистская литература и прошлых веков, и современная на поприще порнографии, брани и т. д.»), сколько «негибкостью» языка в эротической сфере [Нива 1999], казалось бы, должна была пройти мимо этого типа романа, предпочтя ему романы авантюрные, галантные, но отнюдь не либертинские[14].

В этом смысле характерно, что и само слово *либертинаж* (*libertinage*) со всеми возможными его производными отсутствует в русских толковых словарях (включая [БАСРЯ (9)])[15]. Исключение составляют словари иностранных слов и выражений. Впрочем, и они свидетельствуют о том, что слова *либертен* (*libertin*) и *либертинаж* (*libertinage*), применяемые в отношении людей «распутного, разнузданного поведения», на русский язык не переводились, а чаще использовались во французском написании [Бабкин, Шенденцов 1994: 804]. Цитата из «Воспоминаний» Ф. Вигеля, которая нередко приводится в подобного рода словарях, лишний раз показывает, что в русском обиходе слово *либертен* имело коннотации скорее нравственные (точнее — безнравствен-

[13] О том, что эротические и даже порнографические описания легко поддаются в нем реверсивной трактовке — не столько (и не только) игривые, соблазнительные сцены, сколько резкая критика и общества, да и самого либертинажа, скрывающаяся за мнимой игрой, — см. в особенности: [Делон 2013: 11–12; Дмитриева 2009]. Тенденция философствования просматривается также и в названиях этого типа романов: «Тереза-философ» маркиза Жана-Батиста Буайе д'Аржана, анонимная «Исповедь куртизанки, ставшей философом», «Философия в будуаре» маркиза де Сада.

[14] О том, что потребность в любовной теме, традиционно находившейся за пределами литературы, удовлетворялась фольклором, см.: [Топорков 2007; Огибенин 1992: 199–205]. Сферу чувственности «обслуживала» и так называемая мужская поэзия, впрочем, мало приспособленная как для дамского слуха, так и для печати. На эту тему см.: [Огибенин 1992: 194–197].

[15] Любопытно, что в европейских языках мы также не имеем полного аналога французским понятиям *libertinage* и *libertin*. Так, в немецком языке, как собственно и в русском, на первый план выходит значение 'вольнодумец' — *Freidenker*, *Freigeist*. В английском языке либертен скорее шутник — *wit*, *droll*, что более соответствует французским *bel esprit*, *plaisantin*. Свободным философом, *free thinker*, он становится лишь к концу XVIII в., в эпоху революции [Abramovici 1997].

ные), чем политические (ср.: «Он представил обвиняемого великим шалуном, что было и правда; но он по самом себе мог знать большую разницу между либералом и libertin» [Вигель 2005: 308]). В наиболее полном на сегодняшний день французско-русском словаре, составленным В. Гаком и Ж. Триомфом, слово *libertin* в качестве прилагательного переводится как «распущенный, распутный, непристойный» и только как существительное получает уже два значения: не только 1) «распутник, развратник», но и 2) «вольнодумец» [Гак, Триомф 2006: 590]. Обратим внимание и на следующий любопытный момент: обратный перевод слова *вольнодумец* на французский язык уже не возвращает нас непосредственно к значению «libertin», но дает иной синонимический ряд, а именно: *esprit fort*, *libre penseur*, и лишь на третьей позиции появляется *libertin*, да и то — применительно к Франции XVII в. [Щерба и др. 2004].

Ситуация эта чрезвычайно показательна, ибо отражает не только историческую непереводимость понятий *либертен* (*либертинаж*), но также и историческую несовместимость культурных типов. Действительно, наиболее близко подходящее к французскому *libertin* русское слово *вольнодумец* в русской исторической действительности означало нечто иное: политическое значение явно превалировало в нем над нравственным. Вольнодумство в России исторически смыкалось с либерализмом, политическим вольномыслием, скептицизмом (критическим или и вовсе отрицательным отношением к существующим порядкам, и в первую очередь к религии), с вольтерьянством[16] и даже франкмасонством и лишь в слабой степени коррелировало с ветреностью, легкомыслием, сластолюбием, развратом и эстетством, включавшимися в семантическое поле французского *libertinage*.

Но и здесь нас ожидает очередной парадокс: несмотря на все вышесказанное, несмотря на пресловутую установку русского читателя и русского переводчика на целомудрие, о котором писал еще В. В. Сиповский [1909: 162], переводчики не прошли и мимо этого типа литературы. Более того, можно даже сказать, что французских либертенов переводили в России на рубеже XVIII и XIX вв. достаточно обильно.

Пожалуй, по количеству русских переводов на первом месте можно назвать маркиза Жана Батиста д'Аржана (Аржанса), которому ныне почти единодушно приписывают авторство знаменитой «Терезы-философа» (впрочем, как раз этот роман на русский язык переведен в ту пору не был[17]), а также определенное влияние на «Почту духов» Крылова [Разумовская 1978]. Среди его романов на русский язык были переведены следующие: Счастливый Флорентинец, или Жизнь графа де ла Валле: Соч. Г. д'Аржанса / Пер. с фр. (СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1763); О блаженной или благополучной жизни, с прибавлением рассуждений о приятной и рассудительной жизни… маркиза д'Аржанса / Пер. с нем. Николаем Вонляр-Ларским (М.: Изд. Моск.

[16] Ср. в повести С. Т. Аксакова «Наташа»: «Он (учитель. — *Е. Д.*) был либерал, вольтерьянец, по тогдашнему выражению» [Аксаков 1986 (3): 276]. Об ориентации русских вольтерьянцев («волтеристов», «волтерианцов») и в теории, и «на практике» не столько на самого Вольтера, сколько на его образ, сложившийся в России на рубеже XVIII и XIX вв., см.: [Заборов 2011; Немировский 2011].

[17] На русском языке роман, ошибочно приписанный маркизу де Саду, был опубликован лишь в 1992 г. (*Маркиз де Сад.* Философия в будуаре. Тереза-философ. Минск: Пром.-коммерч. компания «Белфакс», 1992).

Ун-та, 1769); Приключения кавалера де ***: Истинная повесть, переведенная из Сочинений господина маркиза д'Аржанса (СПб.: [б. и.], 1772); Своевольство счастия и любви, или Похождение Россалины, состоящее в 3 частях (СПб.: [Тип. Акад. наук], 1773; 2-е изд.: М: Тип. Компании типографической, 1787); Влюбленный философ, или Приключение Графа Момжана. Из сочинений маркиза д'Аржанса / Пер. с фр. Н… Н…: 2 ч. (М.: Унив. тип. Н. Новикова, 1781). Кроме того, на русский язык была переведена книга д'Аржана 1748 г. «Le solitaire philosophe ou mémoires de mr le Marquis de Mirmon», по содержанию сходная с «Терезой-философом» (Маркиз Мирмон, или Уединенный философ / Пер. с фр.: 2 ч. СПб.: Тип. Шнора, 1783).

Другим представителем литературы французского либертинажа, лидировавшим по числу переводов на русский язык, был Ретиф де ла Бретон (Бретонн). К концу XVIII в. было переведено большинство его центральных произведений: Ножка Фаншеттина, или Сирота французская. Полезная и нравоучительная повесть: В 3 ч. / [Пер. А. С. Хвостова] (СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1774; Обретенная дочь или Отеческая склонность / Пер. с фр. Иваном Морковым: Ч. 1–2 (М.: Иждивением Н. Новикова и Компании Унив. тип., у Н. Новикова, 1782); Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения: Из сочинений г. Ретиф де ла Бретона / Пер. с фр. Е[вграфом] К[омаровским] (СПб.: Тип. Матвея Овчинникова, 1786); Жизнь отца моего: Сочинение Ретифа де ля Бретонна: Ч. 1–2 (М.: Тип. Селивановского, 1796)[18].

Из произведений еще одного «либертинского» автора, уже упомянутого выше Клода-Проспера Кребийона-сына, в тот период были переведены: История о принце Соли, названном Пренанием, и о принцессе Фелее, сочинена сыном господина Кребильона / Пер. с фр.: Ч. 1–2 (М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1761; 2-е изд. — М.: Универ. тип., у Н. Новикова, 1788); Ангола, индийская повесть; соч. без правдоподобия / Пер. с фр. Василием Вороблевским (М.: Тип. Пономарева, 1785); Мнимые письма г-жи Помпадур (опубл. в: Вестник Европы. Ч. 108. № 21. 1819. С. 3–11). И если самый известный ныне роман Кребийона-сына «Заблуждение сердца и ума» оставался на рубеже XVIII и XIX вв. на русский язык не переведенным, то его парафраз и своеобразное продолжение, принадлежавшее перу Жозефа де Мемье (Maimieux), известное под названием «Le Comte de Saint-Méran, ou les Nouveaux égaremens du cœur et de l'esprit», было переведено П. И. Макаровым в 1800 г. под названием «Граф де Сен-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума» (М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800).

На протяжении последнего десятилетия XVIII в. трижды на русский язык был переведен роман «Приключения кавалера Фобласа» Луве де Кувре и дважды другой его роман — «Эмилия Вармонт». С характерно видоизмененным подзаголовком вышел в самом начале XIX столетия роман Шодерло де Лакло

[18] Отметим попутно, что на смерть Ретифа, последовавшую в 1806 г., по меньшей мере два русских журнала откликнулись некрологами (см.: Вестник Европы. Ч. 26. № 7. 1806. С. 209–214; Лицей. Ч. 2. Кн. 1. 1806. С. 105–106), а в 1834 г. была издана драматическая инсценировка его романа «Совращенный поселянин» (Развращенный поселянин или Польза от дружества с злодеем: Драма в трех действиях, взятая с франц. романа «Развращенный поселянин», соч. Ретифа… Переделанная Н. Б. М.: Унив. Тип., 1834). Рецензию на данную инсценировку см.: Библиотека для чтения. Т. 5. 1834. С. 23. О дальнейшей судьбе сочинений Ретифа де ла Бретонна в России см.: [Буачидзе 1972].

«Опасные связи»: Вредные знакомства или письма, собранные одним обществом для предостережения других: Роман в письмах / Пер. с фр. А. И. Левана. СПб.: Театр. Тип., 1804–1805 (в оригинале — «Lettres recueillies dans une société et publiées pour l'instruction de quelques autres»[19]).

Поразительно рано (в сравнении с другими странами) в России был переведен также и маркиз де Сад. Так, в 1806 г. под общим названием «Садиевы повести» в 4 частях «с одобрения Цензурного комитета» (!) вышли следующие романы маркиза: «Жюльета и Роне, или Заговор в Амбоазе. Историч. Повесть», «Обольщение двух женщин», «Мисс Генриетта Стральсон, или Действие отчаяния», «Факселанж, или Безрассудное честолюбие» [Сад 1806]. А в 1810 г. была переведена одна из пьес маркиза под названием «Феатр для любовников» (М.: Тип. У. Ф. Любия, 1810).

Характерно, что литература эта переводилась, будучи адресована не вольнодумцам / вертопрахам / развратникам, но — как правило — людям чувствительным и добродетельным. Словами «посвящаю сию книгу всем чувствительным и добрым моим соотечественникам» русский переводчик открывает издание 1796 г. книги «Жизнь отца моего» Ретифа де ла Бретона [Бретон 1796: 3]. А в предисловии к русскому переводу одного из наиболее эротически насыщенных текстов Ретифа де ла Бретона «Ножка Фаншеттина, или Сирота французская», мы читаем:

> Отважась перевесть книжку особливого рода слогом писанную, весьма не сходную с обыкновенным текущим стилем повестей, отдаю ее на рассмотрение благосклонным читателям. Добрые примеры, а особливо множество хороших мыслей и отменным образом предлагаемые нравоучения, которые от самых ненавистников морали без скуки прочтутся, заставили меня избрать ее. Награжденным себя за небольшой труд почту, ежели будет он не отвержен от людей, вкус и силу знающих, и когда удостоится милостивого внимания от прекрасного пола, который победами и добродетелью Фаншетины прославляется [Делон 2013: 667] (оригинал см.: [Бретон 1774: б. пагинации]).

Обратим вновь внимание также на данный русским переводчиком подзаголовок: «Полезная и нравоучительная повесть» (в оригинале — «Histoire intéressante et morale»).

Характерно еще, что, как мы уже имели возможность заметить, все эти книги издавались «с одобрения цензуры», в университетской типографии, в типографии просветителей — Н. И. Новикова и И. А. Крылова, а также

[19] Во французском заглавии явно присутствует двойственность значения слова *instruction*, которое означает одновременно наставление и указание-предписание. Характерно, что и в современной версии перевода, выполненного Н. Я. Рыковой, удерживается нравоучительный смысл: «Письма, собранные в одном частном кружке лиц и опубликованные в назидание некоторым другим» (см.: [Лакло 1965]). Немало произведений либертинской литературы, правда на французском языке, находилось в библиотеке Пушкина, описанной Б. Л. Модзалевским: изданное в 1777 г. Лондоне полное собрание сочинений Кребийона-сына (Collection complète des œuvres de M. De Crebillon, fils. Londres, 1777), роман о Фобласе Луве де Кувре (Vie du chevalier de Faublas. Paris, 1813), равно как и разрезанные листы его мемуаров (Mémoire de Louvet de Couvray, député à la Convention nationale, avec une notice sur sa vie, des notes et des éclaircissements historiques. Paris, 1823).

в типографиях Сухопутного кадетского корпуса, Академии наук и др. Дополнительное qui pro quo заключалось еще и в том, что слово *добродетель* и его производные, так часто употребляемые переводчиками, порой даже и не выдумывались ими — все эти слова действительно присутствовали в оригинале. Правда, понималось под этим несколько иное. «Получается, что злые люди, которые никогда не смеются и никого не любят, нравственны, как и люди скупые и честолюбивые», — пишет принц де Линь в «Безнравственных историях» [Линь 2013], доказывая, что добродетель заключена не в целомудрии, но в чувстве открытости к другому, в великодушии, способности любить. «Я читал нравоучительные книги и ничего не нашел у Конфуция, Платона, Сенеки сверх того, что я здесь повторяю. Наслаждение, наслаждение превыше всего!» — завершает свою исповедь герой анонимной повести «Маленький внук Геракла», подобным же образом усматривая «нравственность» в плотской любви и ссылаясь на мудрецов древности, истинную последовательницу которых он видит в русской императрице Екатерине II [Анонимный автор 2013: 488].

Приведем в заключение данного раздела еще один небольшой фрагмент «либертинского» текста в русском переводе, сделанном в 1806 г.:

> Герцог Сейлькур, молодчик тридцати лет, пылкого ума, редкий красавец, а вдобавок сих отличных природных качеств преимущественно пред другими богатый, имея восемьдесят тысяч ливров ежегодного дохода, расточал их по вкусу с модною, беспримерной гордостью, и в продолжение своего пятилетнего наслаждения такою благодетельною фортуною внес он в любовный свой список по крайней мере до тридцати парижских красавиц, и когда он почувствовал во всех членах ощутительную слабость и приближение старости, прежде нежели погас в нем любовный жар, то вздумал жениться.
>
> Не довольствуясь женщинами, с которыми имел он знакомство, находя во всех их коварство вместо откровенности, глупость вместо рассудка, эгоизм вместо человеколюбия, грубые предрассудки вместо здравомыслия, видя, что они все страшные охотницы к одним только чувственным удовольствиям, увеселениям и забавам, приметив в них порочную стыдливость или постыдное распутство, сделался нечувствительным к ним, и чтобы не быть обманутым в том, от чего зависело спокойствие и благоденствие жизни его, решился употребить в пользу вдруг все то, чем только обольстить мог, и то, в чем несомненная победа его, прогнав пустой страх, которому могла быть подвержена, уверяла его и обнадеживала. Это искусство поистине можно почесть важнейшим. Но какие опасности окружают его! Есть ли хотя одна женщина, которая бы могла противиться обольщению, если бы восторг, в который Сейлькур хотел погрузить ее, успел овладеть ее чувствами, то могла ли бы она противиться обольщению? Однако любила ли бы она Сейлькура для себя самой или льстя только свое кокетство? Хитрость довольно была опасна, чем более он чувствовал ее, тем более решался предаться невозвратно в волю той, которой бескорыстие довольно было известно любить только в нем себя самое и уничтожить предприятия, которые имел он, желая обмануть ее [Сад 2013: 791–792].

Вряд ли кто бы мог узнать в этом фрагменте стиль знаменитого маркиза де Сада, за одно издание книги которого французский издатель Жан-Жак Повер был привлечен к суду еще не так давно, в 1956 г. Впрочем... и здесь нас вновь подстерегает неожиданность: тенденция русской литературы, а точнее русских переводчиков, перевести произведения де Сада, как и тексты других либертинских романов, в модальность нравоучительной литературы на самом деле отвечала той тенденции, которая подспудно в них была заложена, но осмыслена скорее уже в XX в. Неслучайно легенда гласит: выступавший в защиту Повера академик Морис Гастон сказал, обращаясь к прокурору: «Ваша честь, как заметил Жан Кокто, Сад — философ, и тем самым моралист». Прокурор опешил: «И это правда сказал Кокто?» На том же процессе другой защитник Повера рассказал историю о молодой девушке, которая, прочтя книги де Сада, ушла в монастырь. Прокурор спросил: «И вы считаете, что это хороший результат?» — «Это возможный результат», — последовал ответ [Bezzola et al. 2001: 160–161].

Какой вывод можно сделать из этого краткого обзора? На протяжении всего XVIII и даже XIX в. русские переводчики ищут язык любви, язык куртуазности, в котором так преуспели французская и итальянская культуры. Ищут его — в словарях, романах, драмах — и не находят, поскольку каждый раз переход или перенос его в русскую систему координат изменяет все до неузнаваемости. Правда, как мы видели, на этом пути происходят не только потери, но и обретения. Непереводимость неожиданно оборачивается прозрениями и позволяет извне понять то, что в своем языковом пространстве остается еще долго затемненным.

Но при этом на каждом этапе возникает ощущение, что каждый раз язык любви открывается заново. Пытается создать его в своем словаре Кантемир, стремится донести до читателей науку любви Храповицкий, ибо «ныне она пришла в гораздо большее совершенство и приняла разныя наречия, для коих потребно изъяснение» [Храповицкий 2019: 50]. Создает своего рода шедевр в своем вольном переводе либертинского романа Л.-Ш. Фужере де Монброна «Штопальщица Марго» М. Д. Чулков [Shruba 2001; Левитт 2013]. Проходит еще полстолетия — и вновь сражается с трудностями метафизического языка Вяземский.

Количество подобных примеров легко можно было бы умножить. Но при всем их разнообразии и уровне исполнения всех их объединяет определенная тенденция: эротические сцены оригинала при переводе либо вовсе опускаются (вариант: переводятся столь грубо, что текст становится практически неподцензурным), либо переводятся с существенным ослаблением эротизма оригинала, как это, например, произошло в переводах на русский язык эротической поэзии Парни [Вацуро 1994: 97].

Так русская литература, которая вплоть до XVIII в. не знала любви утонченной, галантной, шаловливой и не была искушена в ее изображении, и к началу века девятнадцатого все еще не находит языка для адекватного выражения сферы интимных чувств и чувственности.

Вместо послесловия

Со времени работы Вяземского над переводом «Адольфа» Бенжамена Констана много воды утекло.

Начало XX в. и в особенности рубеж XX и XXI вв., казалось бы, показали возможность существования эротической литературы в России и способность русского языка к самовыражению также и в области эротики. Доказательством тому служит — у тех, кто придерживается данного мнения, — не только современная проза Владимира Сорокина [Золотоносов 1996], но и, например, текст XIX в. — дневник воспитанника Пажеского корпуса А. Ф. Шенина [1879]. Похоже, что данную точку зрения разделяло и большинство участников международного коллоквиума «Любовь и эротика в русской литературе XX в.», который состоялся в Лозаннском университете в 1989 г. и материалы которого были опубликованы в 1992 г. (на коллоквиуме звучали доклады об эротизме у Н. Чернышевского, И. Бабеля, М. Кузмина, Виктора Ерофеева и др. [Heller 1992]).

Иные, как уже упоминалось выше, и по сей день придерживаются противоположной точки зрения, ссылаясь на то, в русской литературе не существует собственного литературного эротического словаря, как отсутствует и соответствующий литературный этикет, обусловливающий употребление этого словаря [Огибенин 1992].

Признаюсь, что вторая позиция мне ближе. Поразительным образом при всей той эволюции, которую пережили русский язык и русская литература за последние два столетия, проблема оказывается не снятой и в наши дни. С особой остротой она встает именно при переводе литературы французского либертинажа, где основные трудности перевода приходятся уже даже не столько на сферу чувств, сколько физиологии любви. И в нынешние времена стоит только приступить к переводу либертинского романа, сразу же встает проблема непереводимости (или малой переводимости) того языка чувственности, который выработала в течение веков французская культура, позволяющая самое грубое и непристойное выражать самым что ни есть изысканным языком, не оскорбляющим чувства слушающего или читающего.

Все дело в том, что во французском языке не только для передачи чувств, но и для обозначения всякого рода физиологических отправлений существует предельно богатый синонимический ряд, позволяющий восходить (или спускаться) от лексики самой изысканной до самой грубой. Данный синонимический ряд состоит по большей части из метафор и перифраз, которые давно уже получили право гражданства в языке, а потому их употребление не делает стиль сколь-либо напыщенным или прециозным. При переводе же на русский язык мы чаще всего сталкиваемся с дилеммой: переводить «адекватно» предполагает в ряде случаев использование самой грубой лексики и даже мата, придающего тексту вульгарность, которой и в помине нет в оригинале (надо ли говорить, что использование медицинских обозначений интимных частей тела, равно как и современного сленга, здесь мало приемлемо, хотя порой оказывается неизбежным). Другой возможностью оказывается использование перифрастических обозначений и оборотов, что, однако, рискует отбросить текст к стилистике плагиаторов Карамзина (последнее происходило подчас с

некоторыми переводами, в частности, текстов маркиза де Сада, сделанными в особенности в 1990-е годы на волне либерального энтузиазма, пробудившегося и пробужденного в отношении к эротической литературе).

С данной трудностью — изящно и даже изысканно выражать самые непристойные, грубые вещи, с которой так виртуозно справляется французский язык, — несколько лет назад я, как и остальные мои коллеги, столкнулась, работая над переводом либертинских текстов XVIII в., помещенных в приложение к выше уже упомянутой монографии Мишеля Делона «Искусство жить либертена» [Делон 2013] (в результате впервые были переведены на русский язык некоторые до тех пор русскому читателю не известные тексты Кребийона-сына, Жана-Франсуа Бастида, Оноре Мирабо, принца де Линя и др.). Переводчики, работавшие над данной книгой, старались по мере сил избирать срединный вариант (не нам судить, как это получилось), уходя одновременно и от непристойной лексики, и от чрезмерных перифраз. Самым сложным представлялось соблюсти игру слов и значений оригинала (в тех случаях, когда это совсем не удавалось, мы старались ее прокомментировать). Так, либертинское письмо нередко играет на двойных значениях слов: *étreinte* может означать одновременно невинное объятие и финальный акт соития, *consommation* — факт свершившейся физической близости, но также и потребление пищи; глагол *pamer* колеблется между значениями ‘испытать оргазм’, ‘потерять сознание’ и ‘получить наслаждение’ и т. д. Также во французском языке существует синонимический ряд ругательных, рифмующихся между собой выражений — нередкий источник словесной игры, который имеет, как правило, всего лишь один перевод на русский язык: «черт побери» (*morbleu*, *pardieu*, *ventredieu* и т. д.). Нередко проводниками эротического смысла становятся названия музыкальных инструментов или музыкальные термины (на чем в свое время «сыграл» в своем скандальном эротическом романе alter ego капельмейстера Крейслера Э. Т. А. Гофман [2012]). Так, для обозначения сладострастия изысканный принц де Линь использует вместо банального *voluptueux* трудно находимое в словаре словосочетание *du louré* — производное от глагола *lourer*, музыкального термина, предписывающего играть «сладостно» (exécuter un morceau avec douceur)[20].

Другой случай — использование переносного (как правило, эротического) значения терминов различных светских игр, правила которых необходимо знать не только переводчику, но и читателю — для понимания. Таковы *enumumья* — светская игра, в которой на совершившего ошибку или проигравшего налагается «послушание», т. е. исполнение желания, высказанного другими участниками игры. Или же отдаленное подобие нашей игры в пятнашки — игра *à la main chaude*, в которой ведущий с завязанными глазами, стоя на коленях и уткнувшись головой в колени другого игрока (это называлось *tenir la tête* — «держать голову»), заводил руки за спину и получал по ним небольшие шлепки, по характеру которых должен был угадать имя того, кто до него дотронулся. Игру слов и смыслов создавало прямое значение выражения *tenir la tête*, скорректированное правилами игры: держать голову, уткнувшись в коле-

[20] Объяснением данной этимологии и многозначности в этом и последующих примерах я обязана профессору университета Париж IV — Сорбонна Мишелю Делону и профессору университета Париж VIII — Сен-Дени Жерару Дессону, за что выражаю им искреннюю благодарность.

ни, т. е. ее опустив, что в итоге порождало обратный смысл: не держать голову, а потерять ее (характерно, что в эпоху Французской революции название игры использовалось как метафора для обозначения смертной казни[21]).

Очень сложным оказывается на русском языке соблюсти лаконизм прециозного языка и присущую ему аллюзивную игру смыслов. Так, *pile de carreaux* (дословно «стопка плиток») означает на самом деле положенные друг на друга подушки квадратной формы, которые обычно использовал кавалер, дабы стать перед дамой на колени.

Не слишком поддается переводу и заложенный в подзаголовок пьесы Кребийона-сына «La Nuit et le Moment ou les matines» тщательно замаскированный каламбур, основанный на графической квазиомонимии слов *matinés* ‘утренники’ и *matines* ‘утренняя молитва’ (нами переведено как «Заутреня Цитеры», при том что второй смысл — утра, наступившего после мгновенно пролетевшей ночи, — практически ушел).

Игру со множественностью значений, которые имели обозначения либертенов различных «градаций», хорошо передает следующий комический диалог, в основе которого лежат прямое и переносное значения слова *le roué* (в прямом смысле ‘повешенный’; в переносном, метафорическом значении ‘развратник’). Диалог этот, свидетелем которого стал в последние годы Старого режима граф Александр де Тийи, он приводит в своих мемуарах, написанных в самом начале XIX в.; в нем обыгрываются оба смысла существительного *roué* и обнажается резкость метафорического переноса:

> — Видите ли вы вон ту высокого роста женщину с лицом в красных прожилках? Г-н интендант воображает, что влюблен в нее, хотя на самом деле он не любит никого, кроме себя. Ну что, вы видите ее?
> — Да, мадам.
> — Так вот, сударь! Она дочь развратника (le roué).
> — Эка важность! Это теперь совсем не редкость.
> — Да нет же. Она дочь повешенного (le roué).
> — Какой ужас! [Tilly 1965: 110].

Каков же итог? Столетия прошли — а мы вновь сталкиваемся почти с теми же трудностями, которые стояли перед восемнадцатилетним Храповицким, взявшимся переводить свой «Любовный лексикон». И признаем, что нам по-прежнему трудно говорить на русском языке о любви — не теми умолчаниями, которыми так сильна была русская литература, но той эксплицитной множественностью смыслов, которой сильна литература французская.

Н. С. Автономова в своей книге «Познание и перевод» (см. рецензию на нее в настоящем издании) писала о философе Деррида, который «насыщал свои тексты непереводимой игрой слов» и подчеркивал тем самым «языково-идиоматический характер бытия философии» [Автономова 2016: 372]. По аналогии можно было бы сказать: непереводимая или плохо переводимая

[21] Пример взят из «Безнравственных историй» принца де Линя. Ср.: «Вы знаете, что такое фанты и где их ищут, когда держат голову так, чтобы ничего не видеть, и оттого легко ее теряют. Когда постоянно произносишь одно и то же имя, нетрудно угадать его в игре в пятнашки; так сладостно медлить, когда наносишь шлепок или его принимаешь, продлить это мгновение, пожать тихонько руку, не говоря уже о лице, зажатом промеж колен» [Линь 2013: 609].

игра слов и смыслов французской галантно-куртуазно-либертинской литературы отчетливо выявляет также и языково-идиоматический характер бытия эротики. То есть те самые софизмы любви, о которых думали и Мариво, и Кребийон. И преодолеть которые оказывается возможным лишь тогда, когда — воспользуемся еще раз размышлением философа о непереводимости — присутствует «желание встречи с Другим», «направленность на Другого», которое насыщает перевод — каким бы неадекватным оригиналу он ни был — «экзистенциальным и смысловым напряжением» [Там же: 652]. А именно таким было всегда отношение русской культуры к культуре французской.

Источники

Аксаков 1986 — *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Худ. лит., 1986.

Александр I и др. 2016 — *Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна*. Переписка из трех углов, 1804–1826. Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов / [Изд. подгот. Е. Дмитриева]. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.

Анонимный автор 2013 — Маленький внук Геракла // Делон М. Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века [Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.] / Пер. с фр.; Под ред. Е. Дмитриевой. М.: Нов. лит. обозрение, 2013. С. 435–488.

Баратынский 1902 — Письма Е. А. Баратынского к князю П. А. Вяземскому / [Прим. Н. П. Барсукова] // Старина и новизна. Кн. 5. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1902. С. 44–62.

Бретон 1774 — [*Ретиф де ля Бретон Н. Е.*] Ножка Фаншеттина, или Сирота французская. Полезная и нравоучительная повесть: В 3 ч. / [Пер. А. С. Хвостова]. СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1774.

Бретон 1796 — Жизнь отца моего: Сочинение Ретифа де ля Бретонна. Ч. 1. М. Тип. Селивановского, 1796.

Вигель 2005 — *Вигель Ф. Ф.* Записки. München: Im Werden Verlag, 2005.

Гофман 2012 — [*Гофман Э. Т. А.*] Сестра Моника / Пер. Е. Угрюмова, А. Маркина. [Б. м.]: Kolonna Publications; Митин Журнал, 2012.

Дрё Дю Радье 1768 — *Дрё Дю Радье Ж. Ф.* Любовной лексикон / Пер. с фр. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1768.

Кантемир 2004 — Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: В 2 т. / [Вступ. ст. и публ. Е. Бабаевой]. М.: Азбуковник; Языки славянской культуры, 2004.

Карамзин 1820 — Сочинения [Н. М.] Карамзина: [В 11 т.]. СПб.: Тип. С. Селивановского, 1820.

Лакло 1965 — *Лакло Ш. де.* Опасные связи, или Письма, собранные в одном частном кружке лиц и опубликованные в назидание некоторым другим Ш. де Л. / Пер. с фр. Н. Я. Рыкова. М.; Л.: Наука, 1965.

Линь 2013 — *Линь Ш. Ж., принц де.* Безнравственные истории // Делон М. Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века [Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.] / Пер. с фр.; Под ред. Е. Дмитриевой. М.: Нов. лит. обозрение, 2013. С. 551–662.

Одоевский 1977 — *Одоевский В. Ф.* Повести. М.: Сов. Россия, 1977.

Пушкин 1937–1959 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1959.

Сад 1806 — Садиевы повести: [В 4 ч.]. М.: Тип. Христоф. Клаудия, 1806.

Сад 2013 — *Сад Ж. А. Ф. де.* Обольщение двух женщин // Делон М. Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века [Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.] / Пер. с фр.; Под ред. Е. Дмитриевой. М.: Нов. лит. обозрение, 2013. С. 791–832.

Тихонравов 1874 — Русские драматические произведения 1672–1725 годов: К 200-летнему юбилею русского театра собраны и объяснены Николаем Тихонравовым, проф. Моск. ун-та: В 2 т. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1874.

Храповицкий 2019 — Любовный лексикон. Переведен с Французскаго в Санкт-Петербурге 1768 года // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.): Коллективная монография / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, А. В. Голубкова М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 49–84.

Шенин 1879 — *Шенин А. Ф.* Похождения пажа: Поэма в двух частях // Eros Russe = Русский Эрот не для дам. Женева: [б. и.], 1879. С. 20–22.

Dreux du Radier 2019 — Dreux du Radier J.-F. Dictionnaire d'amour dans lequel on trouvera l'explication des termes les plus usités dans cette Langue. Par M. de ***. A la Haye, MDCCXLI // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.): Коллективная монография / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, А. В. Голубкова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 85–167.

La Fare 1733 — *La Fare de M.* Réponse à une Ballade dont le refrain était: On n'aime plus comme on aimait jadis // Poésies de M. le Mis de la Farre [sic]. A Amsterdam: Издательство, 1733.

La Mettrie 1987 — *La Mettrie*. L'Art de jouir // La Mettrie. Œuvres complètes. Paris: Fayard; Corpus des œuvres de philosophie en langue française, 1987. T. 2. P. 314–315.

Tilly 1965 — [*Tilly A. de.*] Mémoires du comte Alexandre de Tilly pour servir à l'histoire des moeurs de la fin du 18 siècle. Paris: Mercure de France, 1965.

Словари

Бабкин, Шенденцов 1994 — *Бабкин А. М., Шенденцов В. В.* Словарь иноязычных слов и выражений. 2-е изд., испр. СПб.: Квотам, 1994.

БАСРЯ — Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К. С. Горбачевича и др. СПб.: Наука, 2004.

Гак, Триомф 2006 — *Гак В., Триомф Ж.* Французско-русский словарь активного типа = *Gak V., Triomphe J.* Dictionnaire français-russe. 7-е изд., стер. М.: Рус. яз. — Медиа, 2006.

Щерба и др. 2004 — *Щерба Л. В., Матусевич М. И., Воронцова Т. П. и др*. Большой русско-французский словарь = Grand dictionnaire russe-français. М.: Рус. яз. — Медиа, 2004.

Литература

Автономова 2016 — *Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Бабаева 2004 — *Бабаева Е*. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники // Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: В 2 т. / [Вступ. ст. и публ. Е. Бабаевой]. Т. 1. М.: Азбуковник; Языки славянской культуры, 2004. С. i–lii.

Буачидзе 1972 — *Буачидзе Г. С.* Произведения Ретифа де ла Бретонна в России. Тбилиси: [Изд-во Тбилис. ун-та], 1972.

Вацуро 1994 — *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. СПб.: Наука, 1994.

Виролайнен 2010 — *Виролайнен М. Н.* Гетерогенность языковой структуры в черновиках «Евгения Онегина» // Мультилингвизм и генезис текста = Multilinguisme et genese du texte: Материалы междунар. симпозиума, 3–5 октября 2007 / [Редкол.: О. Д. Анохина и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 44–61.

Делон 2013 — *Делон М.* Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века [Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.] / Пер. с фр.; Под ред. Е. Дмитриевой. М.: Нов. лит. обозрение, 2013.

Дмитриева 2009 — *Дмитриева Е. Re-volutio* чувства и чувственности: (о некоторых особенностях французского либертинажа XVIII века) // Антропология революции / Сб. ст. / Сост. и ред. И. Прохорова и др. М.: Нов. лит. обозрение, 2009. С. 141–177.

Дмитриева 2011 — *Дмитриева Е. Е.* Кодекс поведения «honnête homme» или кодекс либертена? (роман Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума») // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова / Сост. М. Э. Маликова, Д. В. Токарев. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. С. 106–119.

Дмитриева 2015 — *Дмитриева Н. Л.* Особенности французско-русского двуязычия на примере писем Пушкина // Россия и Франция: Диалог культур: Ст. и материалы / [Сост. Е. Е. Дмитриева, А. Ю. Сорочан, А. Ф. Строев]. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2015. С. 82–99.

Дмитриева 2016 — *Дмитриева Е. Е.* Эпизод рецепции Мольера в России (Гоголь — переводчик фарса «Сганарель, или Воображаемый рогоносец» // Русская литература. 2016. № 4. С. 63–69.

Дмитриева 2018 — *Дмитриева Е.* От мадригалов и эпиграмм к эпистолярной прозе: Билингвизм и мультиязычие в текстах А. С. Пушкина // Летняя школа по русской литературе. Т. 14. № 1. 2018. С. 27–50.

Дмитриева 2019 — *Дмитриева Е. Е.* Эротика эпохи Просвещения: между энциклопедизмом, либертинством и пастишем: словарь Дрё дю Радье (трудности перевода) // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.): Коллективная монография / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, А. В. Голубкова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 168–178.

Довгий 2018 — *Довгий О.* Сатиры Кантемира как код русской поэзии: Опыт микрофилологического анализа. Тула: Аквариус, 2018.

Заборов 2011 — *Заборов П. Р.* Русское вольтерьянство // Заборов П. Р. Россия и Франция: Литературные и культурные связи. СПб.: Петрополис, 2011. С. 126–147.

Золотоносов 1996 — *Золотоносов М.* Penis coronat opus // Стрелец: Альманах литературы, искусства и общественно-политической мысли. 1996. № 1 (77). С. 292–301.

Левин 1995 — *Левин Ю. Д.* Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза = Schöne Literatur in russischer Übersetzung: von den Anfängen bis zum 18. Jahrhundert. Teil 1: Prosa / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб.: Дмитрий Буланин; Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1995. С. 142–212.

Левитт 2013 — *Левитт М.* От лубка к роману: «Бабьи увертки» в «Пригожей поварихе» М. Д. Чулкова // Русская литература. 2013. № 4. С. 146–159.

Лотман 1975 — *Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс: Вводные лекции в изучение текста. Тарту: ТГУ, 1975.

Лотман 1985 — *Лотман Ю. М.* «Езда в остров Любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Проблемы изучения культурного наследия / Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1985. С. 222–230.

Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4: XVIII — начало XIX века. М.: Яз. рус. культуры, 1996. С. 13–348.

Майков 1889 — *Майков Л. Н.* Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб.: А. С. Суворин, 1889.

Малеин 1928 — *Малеин А.* Новые данные для биографии В. К. Тредьяковского // Сб. Отделения русского языка и словесности АН СССР. Т. 101. № 3. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1928. С. 430–432.

Мильчина 2006 — *Мильчина В. А.* «Адольф» Бенжамена Констана в переводе П. А. Вяземского: поиски «метафизического языка» // Вестник истории, литературы, искусства / Гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. Т. 2. М.: Собрание, 2006. С. 128–138.

Неклюдова 2008 — *Неклюдова М. С.* Искусство частной жизни. Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008.

Немировский 2011 — *Немировский И.* Либералисты и либертены: случай Пушкина // Новое литературное обозрение. № 111. 2011. С. 113–129.

Нива 1999 — *Нива Ж.* Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе / Пер. с фр. Е. Э. Ляминой. М.: Высш. школа, 1999.

Огибенин 1992 — *Огибенин Б.* О русской словесности и поэтике непристойного языка // Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle = Любовь и эротика в русской литературе XX-го века: actes du colloque de juin 1989 organisé par l'Université de Lausanne, avec le concours de la Fondation du 450ème Anniversaire / Éd. par L. Heller. Bern; New York: Peter Lang, 1992. 194–212.

Панченко 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973.

Пумпянский 1941 — *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский // История русской литературы: В 10 т. Т. 3: Литература XVIII века. Ч. 1 / Редкол. тома: Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 215–263.

Сазонова 1982 — *Сазонова Л. И.* Переводная художественная проза в России 30–60-х годов XVIII в. // Русский и западноевропейский классицизм: Проза / Отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наука, 1982. С. 115–138.

Сазонова 2019 — *Сазонова Л. И.* «Любовный лексикон» А. В. Храповицкого и его французский оригинал «Dictionnaire d'amour» Дрё дю Радье // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.): Коллективная монография / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, А. В. Голубкова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 12–48.

Сиповский 1909 — *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. Т. 1. СПб.: Тип. Санкт-Петерб. товарищества печ. и изд. дела «Труд», 1909.

Разумовская 1978 — *Разумовская М. В.* «Почта духов» Крылова и романы маркиза д'Аржана // Русская литература. 1978. № 1. С. 103–117.

Топорков 2007 — *Топорков А. Л.* Русская языковая метафора в вербальной магии и лирической поэзии // Русский язык в странах СНГ и Балтии: Междунар. науч. конф., Москва, 22–23 октября 2007 г.: К Общему собранию Российской академии наук / [Под ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделина, В. А. Тишкова]. М.: Наука, 2007. С. 430–440.

Abramovici 1997 — *Abramovici J.-C.* Libertinage // Dictionnaire européen des Lumières / Sous la dir. de M. Delon. Paris: Presses Universitaires de France, 1997. P. 647–651.

Bezzola et al. 2001 — Sade / surreal: Der Marquis de Sade und die erotische Fantasie des Surrealismus in Text und Bild / Hrsg. T. Bezzola, M. Pfister, S. Zweifel. Zürich: Kunsthaus Zürich, 2001.

Heller 1992 — Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle = Любовь и эротика в русской литературе XX-го века: actes du colloque de juin 1989 organisé par l'Université de Lausanne, avec le concours de la Fondation du 450ème Anniversaire / Éd. par L. Heller. Bern; New York: Peter Lang, 1992.

Loubière 2006 — *Loubière S.* Un ABC libertin des Lumières: le Dictionnaire d'amour de Dreux du Radier // Dix-Huitieme siècle. № 38. 2006. P. 337–350.

Rjéoutski 2016 — Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe, 1750–1880 / Sous la dir. de V. Rjéoutski. Paris: L'Harmattan, 2016.

Shruba 2001 — *Shruba M.* «Пригожая повариха» на фоне французского порнографического романа (Чулков и Фужере де Монброн) // Reflections on Russia in the Eighteenth century / Ed. by J. Klein. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2001. P. 328–342.

Zhivov 2015 — *Zhivov V.* Love *à la mode*: Russian words and French sources // French and Russian in Imperial Russia: Language attitudes and identity / Ed. by D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2015. P. 214–241.

Сокращения

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

References

Abramovici, J.-C. (1997). Libertinage. In M. Delon (Ed.). *Dictionnaire européen des Lumières*, 647–651. Paris: Presses Universitaires de France. (In French).

Avtonomova, N. S. (2016). *Poznanie i perevod. Opyty filosofii iazyka* [Cognition and translation. Experiments in the philosophy of language], 2nd ed, rev. and enl. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

Babaeva, E. (2004). Russko-frantsuzskii slovar' Antiokha Kantemira: opisanie, leksikograficheskie istochniki [Antiokh Kantemir's Russian-French dictionary: Description, lexicographic sources]. In E. Babaeva (Ed., Intro.). *Russko-frantsuzskii slovar' Antiokha Kantemira* [Antiokh Kantemir's Russian-French dictionary] (Vol. 1), i–lii. Moscow: Azbukovnik; Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

Bezzola, T., Pfister, M., Zweifel, S. (Eds.) (2001). *Sade/surreal: Der Marquis de Sade und die erotische Fantasie des Surrealismus in Text und Bild*. Zürich: Kunsthaus Zürich. (In German).

Buachidze, G. S. (1972). *Proizvedeniia Retifa de la Bretonna v Rossii* [Works of Retif de la Bretonne in Russia]. Tbilisi: [Izdatel'stvo Tbilisskogo universitetta]. (In Russian).

Delon, M. (2013). *Iskusstvo zhit' libertena. Frantsuzskaia libertinskaia proza XVIII veka* [Trans. from Delon, M. (2000). *Le savoir-vivre libertin*. Paris: Hachette Littérature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Dmitrieva, E. (2009). Re-volutio chuvstva i chuvstvennosti: (o nekotorykh osobennostiakh frantsuzskogo libertinazha XVIII veka) [Re-volutio of feeling and sensuality (on some features of 18th century French libertinage]. In I. Prokhorova et al. (Eds.). *Antropologiia revoliutsii* [Anthropology of revolution], 141–177. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Dmitrieva, E. (2018). Ot madrigalov i epigramm k epistoliarnoi proze: Bilingvizm i mul'tiiazychie v tekstakh A. S. Pushkina [From madrigals and epigrams to epistolary prose: Bilingualism and multilingualism in Pushkin's texts]. *Letniaia shkola po russkoi literature* [Summer school on Russian literature]*, 14*(1), 27–50. (In Russian).

Dmitrieva, E. E. (2011). Kodeks povedeniia "honnête homme" ili kodeks libertena? (roman Krebiiona-syna "Zabluzhdeniia serdtsa i uma") [Code of behavior of an "honest man" or the code of a libertine? (Crebillon fils's novel *Les Égarements du cœur et de l'esprit* (The Wayward Head and Heart)]. In M. E. Malikova, D. V. Tokarev (Eds.). *Zapadnyi sbornik: V chest' 80-letiia Petra Romanovicha Zaborova* [A Western collection of articles: In honour of the 80th anniversary of Petr Romanovich Zaborov], 106–119. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma. (In Russian).

Dmitrieva, E. E. (2016). Epizod retseptsii Mol'era v Rossii (Gogol' — perevodchik farsa "Sganarel', ili Voobrazhaemyi rogonosets" [An episode in Molière's reception in Russian (Gogol – translator of the farce *Sganarelle, or The Imaginary Cuckold*)]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]*, 2016*(4), 63–69. (In Russian).

Dmitrieva, E. E. (2019). Erotika epokhi Prosveshcheniia: mezhdu entsiklopedizmom, libertinstvom i pastishem: slovar' Dre diu Rad'e (trudnosti perevoda) [Eroticism of the Enlightenment: Between encyclopedism, libertinage and pastiche: Dreux du Radier's dictionary (difficulties of translation)]. In E. E. Dmitrieva, A. V. Golubkov (Eds.). *Frantsuzskie i frankoiazychnye rukopisi v Rossii (XVIII — nachalo XX v.): Kollektivnaia monografiia* [French and French-language manuscripts in Russia (18th — early 20th centuries)], 168–178. Moscow: IMLI RAN. (In Russian).

Dmitrieva, N. L. (2015). Osobennosti frantsuzsko-russkogo dvuiazychiia na primere pisem Pushkina [Aspects of French-Russian bilingualism (based on Pushkin's letters)]. In E. E. Dmitrieva, A. Iu. Sorochan, A. F. Stroev (Eds.). *Rossiia i Frantsiia: Dialog kul'tur: Stat'i i materialy* [Russia and France: Dialogue of cultures: Articles and materials], 82–99. Tver: Izdatel'stvo M. Batasovoi. (In Russian).

Dovgii, O. (2018). *Satiry Kantemira kak kod russkoi poezii: Opyt mikrofilologicheskogo analiza* [Kantemir's satires as a code for Russian poetry: An attempt at a micro-philological analysis]. Tula: Akvarius. (In Russian).

Heller, L. (Ed.) (1992). *Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle = Liubov' i erotika v russkoi literature XX-go veka: actes du colloque de juin 1989 organisé par l'Université de Lausanne, avec le concours de la Fondation du 450ème Anniversaire*. Bern; New York: Peter Lang. (In Russian and French).

Levin, Iu. D. (1995). Nachalo 1760 — seredina 1780-kh godov: Prosvetitel'stvo [Early 1760 — mid-1780s: The Englightenment]. In Iu. D. Levin (Ed.). *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevniaia Rus'. XVIII vek*, (Vol. 1) *Proza = Schöne Literatur in russischer Übersetzung: von den Anfängen bis zum 18. Jahrhundert*, (Vol. 1) *Prosa*, 142–212. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin; Köln; Weimar; Wien: Böhlau. (In Russian).

Levitt, M. (2013). Ot lubka k romanu: "Bab'i uvertki" v "Prigozhei povarikhe" M. D. Chulkova [From lubok to the novel: "Women's dodges" in Mikhail Chulkov's *The Comely Cook*]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]*, 2013*(4), 146–159. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1996). Ocherki po istorii russkoi kul'tury XVIII — nachala XIX veka [Essays on the history of 18th — early 19th century Russian culture]. In *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the history of Russian culture], (Vol. 4) *XVIII — nachalo XIX veka* [18th — beginning of the 19th century], 13–348. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1975). *Roman v stikhakh Pushkina "Evgenii Onegin": Spetskurs: Vvodnye lektsii v izuchenie teksta* [Pushkin's novel in verse *Eugene Onegin*: Special course: Introductory lessons on the study of the text]. Tartu: TGU. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1985). "Ezda v ostrov Liubvi" Trediakovskogo i funktsiia perevodnoi literatury v russkoi kul'ture pervoi poloviny XVIII veka [Trediakovsky's *Voyage to the Island of Love* and the function of translated literature in Russian culture of the first half of the 18th century]. In G. V. Stepanov (Ed.). *Problemy izucheniia kul'turnogo naslediia* [Problems of studying cultural heritage], 222–230. Moscow: Nauka. (In Russian).

Loubière, S. (2006). Un ABC libertin des Lumières: le Dictionnaire d'amour de Dreux du Radier. *Dix-Huitieme siècle, 38*, 337–350. (In French).

Maikov, L. N. (1889). *Ocherki iz istorii russkoi literatury XVII i XVIII stoletii* [Essays on the history of 17th and 18th century Russian literature]. St. Petersburg: A. S. Suvorin. (In Russian).

Malein, A. (1928). Novye dannye dlia biografii V. K. Tred'iakovskogo [New information on Vasily Trediakovsky's biography]. *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti AN SSSR* [Collection of the Russian language and literature Division, Soviet Academy of Sciences] (Vol. 101, No. 3), 430–432. Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

Mil'china, V. A. (2006). "Adol'f" Benzhamena Konstana v perevode P. A. Viazemskogo: poiski "metafizicheskogo iazyka" [*Adolphe* by Benjamin Constant in the translation of P. A. Vyazemsky: In search of "metaphysical language"]. In G. M. Bongard-Levin (Ed.). *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [Bulletin of history, literature, art] (Vol. 2), 128–138. Moscow: Sobranie. (In Russian).

Nekliudova, M. S. (2008). *Iskusstvo chastnoi zhizni. Vek Liudovika XIV* [The art of private life: The age of Louis XIV]. Moscow: OGI. (In Russian).

Nemirovskii, I. (2011). Liberalisty i liberteny: sluchai Pushkina [Liberalists and libertines: The case of Pushkin]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]*, 111*, 113–129. (In Russian).

Niva, Zh. (1999). *Vozvrashchenie v Evropu. Stat'i o russkoi literature* [Trans. from Nivat, G. (1993). *Russie — Europe. La fin du schisme: Études littéraires et politiques.* Lausanne: L'Age d'Homme]. Moscow: Vysshaia shkola. (In Russian).

Ogibenin, B. (1992). O russkoi slovesnosti i poetike nepristoinogo iazyka [On Russian literature and the poetics of indecent language]. In L. Heller (Ed.). *Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle = Liubov' i erotika v russkoi literature XX-go veka: actes du colloque de juin 1989 organisé par l'Université de Lausanne, avec le concours de la Fondation du 450ème Anniversaire*, 194–212. Bern; New York: Peter Lang.(In Russian).

Panchenko, A. M. (1973). *Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII veka* [Russian poetic culture of the 18th century]. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Pumpianskii, L. V. (1941). Trediakovskii [Trediakovsky]. In G. A. Gukovskii, V. A. Desnitskii (Eds.). *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian literature], (Vol. 3) *Literatura XVIII veka* [Literature of the 18th century], (Part 1), 215–263. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian).

Razumovskaia, M. V. (1978). "Pochta dukhov" Krylova i romany markiza d'Arzhana [Krylov's *The Spirits' mail* and the novels of the Marquis d'Argent]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]*, 1978*(1), 103–117. (In Russian).

Rjéoutski, V. (Ed.) (2016). *Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe, 1750–1880*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Sazonova, L. I. (1982). Perevodnaia khudozhestvennaia proza v Rossii 30–60-kh godov XVIII v. [Translated artistic prose in Russia during the 1830s-1860s]. In A. S. Kurilov (Ed.). *Russkii i zapadnoevropeiskii klassitsizm: Proza* [Russian and Western European classicism: Prose], 115–138. Moscow: Nauka. (In Russian).

Sazonova, L. I. (2019). "Liubovnyi leksikon" A. V. Khrapovitskogo i ego frantsuzskii original "Dictionnaire d'amour" Dre diu Rad'e [The Love Lexicon by A. V. Khrapovitsky and its French original "Dictionnaire d'amour" by Dreux du Radier]. In E. E. Dmitrieva (Ed.). *Frantsuzskie i frankoiazychnye rukopisi v Rossii (XVIII — nachalo XX v.)*: *Kollektivnaia monografiia* [French and French-language manuscripts in Russia (18th – early 20th centuries], 12–48. Moscow: IMLI RAN. (In Russian).

Shruba, M. (2001). "Prigozhaia povarikha" na fone frantsuzskogo pornograficheskogo romana (Chulkov i Fuzhere de Monbron) [*The Comely Cook* withing the context of the French pornographic novel (Chulkov and Fougeret de Monbron]. In J. Klein (Ed.). *Reflections on Russia in the Eighteenth century*, 328–342. Köln; Weimar; Wien: Böhlau. (In Russian).

Sipovskii, V. V. (1909). *Ocherki iz istorii russkogo romana* [Essays on the history of the Russian novel] (Vol. 1). St. Petersburg: Tipografiia Sankt-Peterburgskogo tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela "Trud". (In Russian).

Toporkov, A. L. (2007). Russkaia iazykovaia metafora v verbal'noi magii i liricheskoi poezii [The Russian language metaphor in verbal magic and lyrical poetry]. In A. P. Derevianko, A. B. Kudelin, V. A. Tishkov (Eds.). *Russkii iazyk v stranakh SNG i Baltii: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, Moskva, 22–23 oktiabria 2007 g.: K Obshchemu sobraniiu Rossiiskoi akademii nauk* [The Russian language in CIS and Baltic countries. International scientific conference, Moscow, 22–23 October 2007. For the General meeting of the Russian Academy of Sciences], 430–440. Moscow: Nauka. (In Russian).

Vatsuro, V. E. (1994). *Lirika pushkinskoi pory* [Lyric poetry of Pushkin's epoch]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Virolainen, M. N. (2010). Geterogennost' iazykovoi struktury v chernovikakh "Evgeniia Onegina" [Heterogeneity of language structure in the drafts of *Eugene Onegin*]. In O. D. Anokhina et al. (Eds.). *Mul'tilingvizm i genezis teksta* [Multilinguism and genesis of text] = *Multilinguisme et genese du texte: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma, 3–5 oktiabria 2007* [Materials of the International symposium, 2007, October 3–5], 44–61. Moscow: IMLI RAN. (In Russian).

Zaborov, P. R. (2011). Russkoe vol'ter'ianstvo [Russian Voltairism]. In P. R. Zaborov. *Rossiia i Frantsiia: Literaturnye i kul'turnye sviazi* [Russia and France: Literary and cultural links], 126–147. St. Petersburg: Petropolis. (In Russian).

Zhivov, V. (2015). Love à la mode: Russian words and French sources. In D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent (Eds.). *French and Russian in Imperial Russia: Language attitudes and identity*, 214–241. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press.

Zolotonosov, M. (1996). Penis coronat opus. *Strelets: Al'manakh literatury, iskusstva i obshchestvenno-politicheskoi mysli* [The Archer: Almanac of literature, art and social-political thought]*, 1996*(1(77)), 292–301. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Екатерина Евгеньевна Дмитриева
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник, профессор,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва,
ул. Поварская, д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (496) 250-62-51
✉ *katiadmitrieva@mail.ru*

Information about the author

Ekaterina E. Dmitrieva
Dr. Sci. (Philology)
Leading Research Fellow, Professor,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow, 121069,
Povarskaya Str., 25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
Russian State University for the Humanities,
Russia, 125047, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (496) 250-62-51
✉ *katiadmitrieva@mail.ru*